

По Монголии до границь Тибета.

ГЛАВА X').

Отъ зимовки до селенія Бана-джунъ.

Движеніе по лхадскимъ владѣніямъ.—Опять на высококъ, холодномъ плоскогорьѣ.— Въ хребтѣ Императорскаго русскаго географическаго общества.—Высочайшіе перевалы.—Смерть Мандрила.—Лагерь на Голубой рѣкѣ. Свиданіе съ послами Далай-ламы.—Замѣтка о Лхасѣ и о верховномъ правителѣ Тибета.—Оживленіе большой дороги; охота-облава.

Послѣдняя недѣля пребыванія экспедиціи въ селеніи Лунток-идо прошла въ неустанныхъ хлопотахъ по снаряженію каравана и приведенію его въ походный порядокъ: сортировкѣ багажа, переукладкѣ коллекцій, пополненіи запасовъ продовольствія и въ ремонтірованіи вьючныхъ и верховыхъ животныхъ. Общее число послѣднихъ было доведено до шестидесяти пяти, на что потребовалось не мало труда и денегъ. Знакомые сосѣди туземцы приходили въ нашъ лагерь и приносили въ даръ обычные предметы продовольствія—мѣстную «хлѣбъ-соль», сопровождая ее своеобразными напутствованіями въ дорогу.

1) См. «Воен. Сб.» 1912 г., № 6.

Эти же лхадосцы, накануне нашего выступленія съ зимовки, устроили въ нашу честь хороводъ—круговой танецъ съ пѣснями. И мужчины, и женщины, и взрослая молодежь, раздѣлившись на двѣ равныя группы, человекъ по двѣнадцати, открыли танцы мѣрнымъ притопываніемъ ногъ, подъ тактъ пѣсенъ, двигаясь то въ ту, то въ другую сторону. На флангахъ помѣстились болѣе опытные танцоры и танцорки, руководившіе общимъ хороводомъ. Во время ускореннаго оживленнаго темпа, танцоры стройно подвигались на нѣсколько шаговъ въ одну изъ сторонъ, во время же его замедленія исполняли танецъ на мѣстѣ, приподнимая довольно высоко правую или лѣвую ногу, въ зависимости отъ того, въ какую изъ сторонъ направлялись танцующіе. Танецъ на мѣстѣ заканчивался общимъ поворотомъ танцующихъ и новымъ плавнымъ движеніемъ въ другую сторону или на встрѣчу другому полукругу. Такимъ образомъ кругъ нѣсколько разъ смыкался и размыкался. Лучшие исполнители хоровода, получивъ громкое одобреніе со стороны зрителей, входили въ экстазъ. Лица танцоровъ и танцорокъ то краснѣли, то блѣднѣли, черные глаза загорались блескомъ, острые взгляды устремлялись куда-то вдаль. Неутомимые дирижеры доводили танцующихъ до полного изнеможенія и танецъ оканчивался.

Двадцатаго февраля, въ десять часовъ утра, нашъ большой караванъ потянулся вверхъ по ущелью Рэ-чю. Вскорѣ мы прошли по мосту, гдѣ я много разъ сидѣлъ въ напрасномъ ожиданіи выдры; тамъ, вправо, виднѣлись мѣста, излюбленныя бѣлыми и зелеными фазанами; пониже, у скаль, часто рѣзвились обезьяны; все это теперь оставлялось на-долго, быть можетъ, навсегда.

Поднявшись на крутой горный выступъ, одѣтый густымъ хвойнымъ лѣсомъ, я невольно еще разъ взглянулъ на этотъ прекрасный тихій уголокъ, ютившійся подъ защитою массивныхъ известняковъ и сланцевыхъ скаль. Дикое каменное ущелье постепенно выводило насъ на просторъ, сначала по главной своей рѣчкѣ, а затѣмъ по правому ея притоку Ю-чю, при которомъ, за послѣднимъ прорывомъ скаль, была скрытно расположена ставка лхадог-чжалбо. Мѣстный князь жилъ, подобно великимъ ламамъ богатыхъ монастырей, въ просторномъ деревянномъ домѣ, выкрашенномъ въ густой кирпичный цвѣтъ.

Съ княземъ мы имѣли случай обмѣняться, хотя и заочно, прощальнымъ привѣтствіемъ и подарками. Князь, конечно, дипломатически выразилъ сожалѣніе, что болѣзненный недугъ не позво-

лилъ ему принять «дорогихъ гостей» у себя дома. Совсѣмъ иначе отнеслись къ намъ монахи при слѣдованіи экспедиціи подлѣ монастыря Мцзоцзэ-гомба, красиво расположеннаго на скатѣ горъ. Здѣсь наиболѣе фанатичные изъ ламъ, поднявшись на кровлю монастырскаго храма, махали черными флагами въ нашу сторону и трубили въ берцовыя человѣческія кости, давая тѣмъ понять ихъ явное недружелюбіе по отношенію къ пришельцамъ. Это обстоятельство навело на откровенную мысль одного изъ многихъ туземцевъ, сопровождавшихъ насъ до дэргэской границы. Умный лхадосецъ замѣтилъ: «въ васъ ламы вполне естественно видятъ недруговъ, потому что не въ далекомъ будущемъ, черезъ васъ же и подобныхъ вамъ людей, роль этихъ дармоѣдовъ утратится, взамѣнъ чего простые смертные свободнѣе вздохнуть»; этимъ самымъ либеральный туземецъ желалъ сказать, что какое бы ни было будущее, но оно, во всякомъ случаѣ, не можетъ оказаться хуже современнаго административнаго строя, созданнаго или непосредственно ламами или при ихъ ближайшемъ участіи.

Вскорѣ затѣмъ экспедиція вступила на нагорье, гдѣ застала настоящую зиму. На перевалѣ Джам-ла мы вынесли на себѣ ея ужасныя невзгоды, такъ какъ снѣжный штормъ, начавшійся съ утра, не прекращался до полудня. Виды съ перевала хребта, занесеннаго глубокимъ снѣгомъ, были, конечно, закрыты и мы подвигались впередъ чуть не ощупью. Сильные порывы бури относили въ сторону и людей, и животныхъ, крѣпившихся подъ ея ударами. Всѣмъ было тяжело, но больше другихъ выстрадалъ, разумѣется, бѣдный Мандриль, который самъ просился къ одному изъ вблизи слѣдовавшихъ казаковъ, Жаркому, подъ защиту его широкой теплой груди, гдѣ благополучно и просидѣлъ до остановки каравана.

На границѣ дэргэскаго округа, тибетцы, заранѣе прознавшіе о времени и направленіи движенія экспедиціи, выставили въ своихъ владѣніяхъ отрядъ, силою до полутора ста человѣкъ, въ цѣляхъ воздѣйствія на лхадосцевъ, чтобы тѣ, съ своей стороны уговорили русскихъ избрать сѣверную дорогу на Хор-гамдзэ, а не среднюю, какъ того желали русскіе, или южную, проходившую въ труднодоступной мѣстности. Свои доводы дэргэскій чиновникъ Бдуйму-Гачи подкрѣплялъ угрозою лхадосцамъ, что если русскіе все-таки пойдутъ черезъ ихъ монастырь, то онъ сейчасъ двинетъ своихъ воиновъ только не на русскихъ, съ которыми онъ не въ состояніи справиться, а на ближайшихъ жителей Лхадо и разнесетъ ихъ. Не желая навлекать на экспедицію нареканій, я согласился

слѣдовать сѣвернымъ путемъ тѣмъ охотнѣе, что пересѣченіе горной страны въ этомъ направленіи было совершенно новымъ, а поэтому и болѣе интереснымъ, нежели черезъ монастырь и ставку дэргэскаго чжалбо, куда уже совершилъ поѣздку съ зимовки мой сотрудникъ А. Казнаковъ. Уступка съ нашей стороны въ пользу Дэргэ обязывала чиновника или тонкора сопровождать экспедицію въ теченіе нѣсколькихъ дней и давать намъ подводы для облегченія экспедиціонныхъ животныхъ, которымъ предстояли еще большія трудности на дальнѣйшемъ пути къ Цайдаму.

Послѣ такого рѣшенія воинственный пылъ дэргэсцевъ исчезъ. Высоты праваго берега Гэ-чю, занятые ихъ сторожевыми разѣздами, стали освобождаться; изъ овраговъ, тамъ и сямъ, начали показываться спѣшныя воины и разѣзжаться во-свояси. Жиллица, державшіяся словно въ осадномъ положеніи, вдругъ обнаружили обычную дѣятельность, стада потянулись на пастбища, тибетки побрели за топливомъ, словомъ, все вошло въ мирную обстановку и дэргэсцы, вмѣсто враговъ, сдѣлались весьма доброжелательными, спѣша съ различныхъ сторонъ въ нашъ лагерь съ предложеніемъ купить у нихъ барановъ, масла и прочихъ жизненныхъ продуктовъ. Подъ такимъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, мы окончательно разстались съ вполнѣ успокоенными лхадосцами.

Дальнѣйшими нашими спутниками являлись дэргэсцы, которые, ставъ въ дружественныя отношенія, просили насъ показать имъ наше вооруженіе. Опять, какъ и прежде, повторилась показная стрѣльба изъ трехлинейныхъ винтовокъ, а также и стрѣльба дробовыми ружьями. Туземцы, при видѣ нашихъ ружей, приходили въ недоумѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ въ дикій восторгъ. Мѣткость винтовки, дальность полета пули и ея страшное разрушительное дѣйствіе, совершенно отуманивали головы тибетскихъ номадовъ, рассказывавшихъ потомъ про русскія мим-да всевозможныя чудеса.

Дэргэскій чиновникъ старался насъ увѣрить, что китайское вліяніе въ Тибетѣ съ каждымъ годомъ падаетъ, вліяніе же лхаскаго правительства, напротивъ, все болѣе усиливается и что всякаго рода бумаги и приказанія послѣдняго стали въ глазахъ тибетцевъ неизмѣримо выше распоряженій богдыхана. Однако, когда Бдуйму-Гачи были показаны наши пекинскіе паспорта, то онъ ихъ сначала торжественно приложилъ къ своему лбу, а затѣмъ уже началъ бережно развертывать и читать.

Изъ дальнѣйшихъ откровенныхъ разговоровъ съ тонкоромъ, мы пришли къ общему заключенію, что простые обитатели округовъ

восточнаго Тибета въ основѣ своей имѣютъ много добропорядочнаго, но бѣда въ томъ, что они страшно забиты произволомъ чиновниковъ и ламъ. Въ большинствѣ случаевъ ни семья, ни имущество простолюдина-тибетца не гарантированы; приказа вліятельнаго чиновника выдать для него одно, прислать другое, принять въ домъ, славящійся красавицей хозяйкой, предвѣстника почетнаго почлежнаго гостя, выдать его богато-отдѣланную саблю или иную вещь, не долженъ никто ослушаться, иначе жестокое наказаніе ожидаетъ всякаго изъ тибетцевъ, дерзнувшаго противиться желанію властнаго и надменнаго бэй-ху. Послѣдній въ исключительныхъ случаяхъ не задумается даже пригласить къ себѣ такого несчастнаго собрата, ясно понявшаго совершившійся надъ нимъ приговоръ, и предложить ему, подъ видомъ «пріятельской» чашки вина, проглотить отравленный напитокъ... Мѣстнымъ начальникамъ ничего не стоитъ подвести подъ тѣлесное наказаніе любого ненавистнаго тибетца; о чувствахъ общечеловѣческаго достоинства здѣсь не имѣютъ понятія: все основано на силѣ и богатствѣ, причемъ очень часто первая подчиняется послѣднему.

Всю послѣдующую недѣлю, съ 3-го по 10-е марта, экспедиція провела въ области третьяго или средняго пересѣченія хребта Императорскаго русскаго географическаго общества, а именно въ той его части, гдѣ этотъ могучій водораздѣлъ не менѣе могучихъ рѣкъ Голубой и Меконга раздѣленъ на двѣ высокихъ скалистыхъ цѣпи, поднимающихся въ главныхъ вершинахъ до 18.000 футовъ надъ моремъ, и простирается въ ширину по кратчайшему разстоянію около семидесяти верстъ. Подъемъ на ту или другую цѣпь съ юга, гдѣ снѣговой покровъ обнаруживался лишь въ верхнемъ поясѣ горъ, болѣе или менѣе доступенъ; спуски же на сѣверную сторону ужасно круты, каменисты и по причинѣ глубокаго снѣга стоили намъ неимоверныхъ усилій и трудовъ, помимо холода и прочихъ связанныхъ съ нимъ невзгодъ. Но всего тяжелѣе вспомнить первый или южный перевалъ, отнявшій у насъ нашего любимца Мандрила. Впрочемъ, объ этомъ скажемъ нѣсколько ниже.

Особенно дикое и подавляющее впечатлѣніе производятъ горы въ тѣсномъ промежуткѣ между двумя высокими цѣпями хребта Императорскаго русскаго географическаго общества, гдѣ небольшая по протяженію, но многоводная рѣчка Бар-чю, съ крутымъ паденіемъ и бѣшенымъ стремленіемъ водъ, ведетъ борьбу со скалами и порогами, нагроможденными въ хаотическомъ безпорядкѣ въ тѣснинѣ сѣверной цѣпи, не представляющей никакой возможности

для движенія каравана. Бѣшеная рѣчка Бар-чю, словно стальная змѣя, разрываетъ передовыя горы, шумно клокочетъ и пѣнится на днѣ темной расщелины и далѣе, по направленію къ долинѣ Ян-цзы-цзяна.

Не менѣе дика и величественна картина вообще въ верхнемъ поясѣ этого хребта, обильнаго мощными скалами и высокоствольными хвойными лѣсами, нерѣдко предоставляющими своеобразную прелесть. Множество высокихъ и низкихъ, густыхъ и разрѣженныхъ кустарниковъ лѣпится, тамъ и сямъ, по карнизамъ и сопкообразнымъ выступамъ отроговъ или поднимается по крутизнамъ, изрѣзаннымъ каменистыми руслами, мѣстами прерываемыми шумными каскадами. Въ лѣтнюю пору года здѣсь найдутъ богатую добычу и зоологъ, и ботаникъ, въ особенности послѣдній; для зоолога же не малый интересъ можетъ представить и зимняя фауна въ отдѣлахъ млекопитающихъ и птицъ. Послѣднихъ въ лѣсной и кустарной областяхъ почти такое же богатство и разнообразіе, какое было обнаружено нами на зимовкѣ экспедиціи.

Туземное кочевое населеніе ютилось въ это время въ районѣ ниже-средняго пояса горъ того и другого склоновъ хребта, въ за-тишѣ, гдѣ вовсе не было снѣга или гдѣ онъ лежалъ тонкимъ, быстро испаряющимся слоемъ и гдѣ уже чувствовалось вѣяніе весны. Въ области же верхняго пояса этого грандіознѣйшаго хребта еще царила настоящая зима и пустынное безмолвіе, нарушавшееся лишь завываніемъ вѣтра и бури. Поэтому окраины или точнѣе нижнія зоны хребта мы могли изслѣдовать съ большей полнотою, нежели его высокій скалистый гребень, засыпанный глубокимъ снѣгомъ. Мѣстами на нашемъ пути свѣжій рыхлый снѣгъ былъ такъ глубокъ, что скрывалъ всѣ неровности, и быки или лошади, уклонившись съ замеченной тропинки, нерѣдко проваливались и исчезали подъ его поверхностью, словно въ глубокомъ омутѣ. Мѣстами же сохранялись старыя проторенныя дорожки въ родѣ узкихъ траншей, гдѣ нашимъ большею частью громоздкимъ вьюкамъ приходилось преодолевать значительныя затрудненія.

Самыми трудными переходами для насъ были третій и четвертый, т. е. тѣ дни, въ которые мы пересѣкали горныя цѣпи хребта, поднимаясь и спускаясь съ сѣдловинъ ихъ гребней выше версты по вертикалу. Въ южной цѣпи перевалъ Го-ла-ларги возвышается на 16.210 футовъ надъ моремъ; въ сѣверной перевалъ Сэнкэ-ла—на 16.600 футовъ, или, другими словами, болѣе нежели на тысячу футовъ превышаетъ вершину Казбека. Послѣдняя цифра можетъ служить

вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ самой высшей точки, которой коснулся караванъ нашей экспедиціи за все время двухъ съ половиной годового движенія по Центральной Азіи и Тибету.

Въ серединѣ, между цѣпями хребта Императорскаго русскаго географическаго общества, въ урочищѣ Бачам-да, намъ пришлось устроить невольную дневку, такъ какъ въ теченіе ночи, съ 5-го на 6-е марта, выпалъ снѣгъ глубиною отъ полуфута до цѣлаго фута и, по-временамъ, проглядывавшее сквозь болѣе или менѣе густой туманъ солнце съ одной стороны согрѣвало насъ, съ другой же бо-лѣзненно ослѣпляло глаза, не давая возможности безъ сѣтчатыхъ очковъ ступить шагу или хоть на минуту покинуть палатку.

Эта же стоянка еще болѣе омрачилась для насъ гибелью на только что пройденномъ перевалѣ нашего спутника Мандрила, умершаго подъ тяжелымъ вьюкомъ, свалившимся на него вмѣстѣ съ быкомъ, одновременно везшимъ и несчастнаго Мандрила. Со-знаюсь, что мнѣ лично очень тяжело было перенести смерть обезья-ны, дѣтски привязавшейся къ намъ и отлично знавшей каждаго изъ участниковъ экспедиціи. Гренадеры, вооружившись лопатами, вы-рыли яму на красивомъ горномъ скатѣ, вблизи звонкой и прозрач-ной рѣчки. Холодный трупикъ нашего любимца былъ бережно опу-щенъ и засыпанъ землей, поверхъ которой мы соорудили изъ кам-ней пирамидку. Рядомъ съ могилой Мандрила лежитъ огромная каменная глыба.

Сопровождавшіе насъ туземцы, которыхъ было свыше десяти человекъ, во время неожиданной дневки собрались подъ навис-шими скалами и вели громкую оживленную бесѣду, нерѣдко пре-рываемую еще болѣе громкимъ пѣніемъ и пляской. Своеобразное веселье у туземцевъ продолжалось почти всю ночь, что не помѣшало имъ на другой день, 7-го марта, ходко двигаться пѣшкомъ при пе-ресѣченіи высокой и крутой сѣверной цѣпи хребта. Вообще, оби-татели восточнаго Тибета замѣчательно неутомимые и ловкіе хо-доки по горамъ, равно и незамѣнимые погонщики караванныхъ бы-ковъ. Движеніе каравановъ часто только и обнаруживается одними громкими голосами и свистомъ тибетцевъ, которые, кромѣ того, то и дѣло бросаютъ камни въ наиболѣе непокорныхъ животныхъ. У любого тибетца-погонщика постоянно имѣется за пазухой запасъ гальки, расходуемый по мѣрѣ надобности и опять пополняемый въ каменистыхъ руслахъ рѣчекъ.

Ненастная погода, перемежающійся вѣтеръ, снѣгъ и холодъ всего чувствительнѣе доняли насъ на перевалѣ Сэнкэ-ла. Сѣрья

тучи набѣгали одна за другой, проносясь то надъ гребнемъ хребта, то у его скатовъ. Виды не только вдаль по ущельямъ, но даже до ближайшихъ изломовъ ихъ, были закрыты. По временамъ вѣтеръ дулъ съ силою бури и обдавалъ насъ тончайшей снѣжной пылью. Тяжело было подниматься на переваль, но еще тяжелѣе былъ его крутой обледенѣлый спускъ, обильный острыми камнями, залегавшими по скату. При подъемѣ на переваль, на днѣ узкаго ущелья, мы видѣли лежавшую большую глыбу, недавно свалившуюся съ утеса, круто ниспадавшаго футовъ около тысячи относительной высоты. Огромнѣйшій, величиною въ палатку, отторженецъ еще носилъ слѣды свѣжихъ изломовъ при паденіи, равно зіяла и та свѣтлосѣрая рана утеса, откуда оторвался этотъ гигантъ, глубоко избородившій песчано-глинистую почву ложа ущелья. По словамъ туземцевъ-очевидцевъ, нѣчто ужасное происходитъ въ томъ мѣстѣ горъ, гдѣ рушится скала и падаютъ ея обломки.

Спустившись по ущелью Сэн-чю въ зону густого лѣса, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, вышли изъ области снѣга и на террасовидныхъ лужайкахъ, въ сосѣдствѣ одинокой тибетской палатки, съ радостью разбили бивакъ на нѣсколько дней. И люди, и животныя были сильно утомлены послѣднимъ переваломъ...

Сосѣдній монастырь Чункоръ-гомба зналъ уже о нашемъ приходѣ и приготовилъ для насъ людей и лодку, чтобы экспедиціи затѣмъ въ тотъ же день можно было и переправиться черезъ Голубую рѣку. Послѣдняя въ это время имѣла низкій уровень и отличалась дивной прозрачностью своихъ голубыхъ водъ, отражавшихъ словно въ зеркалѣ прибрежныя скалы. Галечное дно рѣки также хорошо было видно; поэтому, стоя на возвышенныхъ береговыхъ террасахъ, не трудно было отмѣчать наибольшія темныя глубины и просвѣчивающія отмели. Мѣстами со дна рѣки выступали огромныя валуны, обдаваемые пѣнистыми брызгами серебристыхъ стремительныхъ волнъ. Монотонный шумъ послѣднихъ разносился далеко по сторонамъ долины, занятой земледѣльческимъ населеніемъ.

Нашъ бивакъ, свободно размѣстившійся на береговой террасѣ Ян-цзы-цзяна, постоянно былъ оживленъ народомъ, такъ какъ къ намъ заглядывали не только мѣстные обитатели, но даже и нѣкоторые изъ сычуаньцевъ, направлявшихъ съ торговыми караванами или въ Чжэрку и далѣе по направленію къ столицѣ Тибета или же шедшихъ обратно въ Сы-чуань. Цѣлыми днями просиживали у насъ лѣнливые тибетцы, часто засыпая въ растяжку на землѣ или прислонившись другъ къ другу.

Послы Далай-Ламы.

Нищѣ въ Камѣ.

На второй день нашего прихода на Голубую рѣку, 11-го марта, мы были радостно удивлены неожиданнымъ прїездомъ вслѣдъ за нами лхасскаго посольства, которое, не заставъ насъ на зимовкѣ, ускореннымъ маршемъ направилось въ догонку экспедиціи. Лхасское посольство состояло изъ двухъ чиновниковъ—дзэ-нчонирь Джам-ин-Шэрабъ-Усура и дзэ-вирцанъ Дондубъ-Чундэна—и многочисленной свиты, слѣдовавшей частью непосредственно съ главными членами посольства, частью при ихъ громадномъ караванѣ. При лхасскомъ посольствѣ, между прочимъ, состоялъ и дэргэскій тонкоръ, нашъ старый знакомый. Послы рѣшили прибыть въ нашъ лагерь и начать съ нами переговоры лишь послѣ того, какъ убѣдились въ томъ, что мы русскіе.

«Въ послѣднее полугодіе», говорилъ главный посолъ, «далай-лама, получая о вашей экспедиціи довольно часто самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія, рѣшилъ, наконецъ, командировать насъ, меня и товарища, для выясненія вопроса кто вы такіе—русскіе или англичане? Если русскіе, то приказано тотчасъ же познакомиться съ вами и передать отъ далай-ламы привѣтъ, а если англичане, то, не заводя никакихъ разговоровъ, ѣхать обратно въ Лхасу».

«Прежде всего, далай-лама великодушно просить извиненія у сильнаго Русскаго Государя за то, что Его экспедицію не пустили въ Лхасу, но это сдѣлано только въ силу основныхъ древнихъ законовъ и завѣтовъ лхасскихъ, обязывающихъ всѣхъ и cadaго изъ тибетцевъ свято охранять Будалху отъ посѣщенія чужеземцевъ».

Собственно Тибетъ подчиненъ какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ отношеніяхъ, далай-ламѣ, который стоитъ во главѣ обширнаго управленія, извѣстнаго подъ наименованіемъ «Дэвашунъ». Послѣдній состоитъ изъ четырехъ главныхъ помощниковъ (далай-ламы)—хутухтъ—перерожденцевъ.

Какъ прежде, когда далай-ламы не брали на себя свѣтской власти, такъ и теперь, когда въ лицѣ далай-ламы соединена и та и другая власти, онъ является главою и единственнымъ распорядителемъ и судьей въ дѣлахъ религіи. Онъ самъ по своему усмотрѣнію смѣщаетъ и назначаетъ ламъ настоятелями и въ отдаленные монастыри всего Тибета, и въ монастыри лхасскіе.

Лхаса—«страна боговъ»—представляетъ собою обширный населенный пунктъ въ Тибетѣ, какъ по пространству, занятому постройками, такъ и по количеству его населенія. Среди многочисленныхъ построекъ, принадлежащихъ тибетцамъ-мірянамъ, торгов-

цамъ-хачи и китайскимъ купцамъ, особенно выдѣляются Буда-лха, управленія, дворцы и храмы.

Буда-лха построена на вершинѣ невысокой горы, привезенной, подобно горѣ Чжагбо-ри, по преданію, на вьюкахъ изъ Индіи. Буда-лха—это дворцы и кумирни—резиденція самого далай-ламы; на горѣ же Чжагбо-ри красуется кумирня и монастырь «Маньбадацанъ», въ которомъ живутъ ламы, главнымъ образомъ, для изученія медицины.

Въ центрѣ города расположена большая кумирня Чжово-канъ, въ которой находится наиболѣе чтимая святыня Лхасы — изображеніе Будды Шакья-муни, называемаго тибетцами «Чжово», а на сѣверномъ краю города стоитъ кумирня Рамочэ съ изображеніемъ Чжово, но меньшихъ размѣровъ, чѣмъ то же изображеніе въ Чжово-канѣ; первый бурханъ извѣстенъ монголамъ подъ названіемъ Мунку или Ихэ-цзу, второй—Бага-цзу.

Среди этихъ двухъ кумиренъ построено много зданій, между прочимъ и то, которое служитъ помѣщеніемъ для управленія—дэ-вашунъ. Это помѣщеніе извѣстно подъ названіемъ «Нанцза-шагъ». Здѣсь происходятъ засѣданія членовъ управленія, разбирательство дѣлъ и приведеніе въ исполненіе тѣлесныхъ наказаній, между которыми были извѣстны—смертная казнь, ослѣпленіе, отрѣзаніе пальцевъ, вѣчные кандалы и колодки и битье плетью; здѣсь же находится тюрьма и квартиры мелкихъ чиновниковъ управленія.

Въ разныхъ мѣстахъ города расположены дворцы съ кумирнями при нихъ, принадлежащіе четыремъ главнымъ помощникамъ хана.

Въ городѣ же, на окраинѣ, проживаетъ въ своемъ ямынѣ китайскій посланникъ Чжу-цза-да-чень со своимъ конвоемъ.

Особенную славу Лхасы составляютъ три большихъ монастыря, расположенные въ ея окрестностяхъ. Эти три монастыря носятъ общее названіе «Сэр-брай-гэ-сумъ» и принадлежатъ одной господствующей сектѣ гелюгба, основанной Цзонхавою въ началѣ XV-го вѣка. Самый большой изъ нихъ Брайбунъ, затѣмъ слѣдуетъ Сэра и наконецъ Галданъ. Брайбунъ вѣдаетъ семью расположенными вблизи него монастырями и знаменитъ прорипателями; второй, Сэра, вѣдаетъ тремя монастырями и извѣстенъ «ритодами» — кельями аскетовъ; Галданю, богатому разными чудесными останками, подчинены въ свою очередь два монастыря. Во всѣхъ монастыряхъ считается до двадцатипяти тысячъ ламъ.

Третьяго числа первой луны, ежегодно, указанное число ламъ собирается въ Лхасу для отправленія богослуженія, извѣстнаго подъ названіемъ «лхаса-монь-ламъ». Послѣ богослуженія всѣмъ ламамъ раздается въ даръ: тибетская серебряная монета «дхамха», чай, дзамба, масло и проч. какъ отъ самого далай-ламы, такъ и отъ мірянъ и богомольцевъ-пришлыхъ.

Въ окрестностяхъ Лхасы и трехъ монастырей есть безчисленное множество всевозможныхъ предметовъ, признаваемыхъ священными: деревьевъ, камней, скалъ, сопокъ, горокъ, ключей и ручейковъ и мелкихъ кумиренъ или часовенъ. На каждомъ шагу встрѣчаются молящіяся, многіе изъ которыхъ еще заранѣе ставятъ себѣ въ священную обязанность не только совершеніе кругового обхода «лингоръ» пѣшкомъ, но нерѣдко и растяжными поклонами.

Нынѣшній далай-лама «всеѣдущій предметъ вѣры», родился, по слухамъ, недалеко къ западу отъ Лхасы, въ бѣдной семьѣ. Его родители и старшіе братья существовали тѣмъ, что съ утра уходили собирать по дорогамъ и улицамъ скотскій пометъ, продажею котораго и жили. Нерѣдко случалось, что ребенокъ оставался, въ ожиданіи возвращенія матери съ ѣдою, голоднымъ пѣлый день. Такъ какъ за нимъ некому было присматривать, то мать, уходя на работу, привязывала малютку на веревкѣ къ столбику на терасѣ дома. Однажды, вернувшись домой уже поздно вечеромъ къ голодному ребенку, она увидѣла, что столбикъ, къ которому онъ былъ привязанъ, треснулъ вдоль и изъ трещины текло молоко, а ребенокъ его пилъ. Это чудо дало знать семьѣ ребенка, что онъ не обыкновенный смертный. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время изъ Лхасы, гдѣ всѣ хутухты и ламы ворожили объ указаніи мѣста, гдѣ переродился далай-лама, явились въ домъ этого ребенка ламы и, признавъ въ немъ переродившагося «чжамгонь-тамчжадъ-чэнба», какъ принято называть далай-ламу, увезли его въ Буда-лху. Въстѣ съ нимъ туда же была перевезена и его мать и братья. Отца его въ это время уже не было въ живыхъ.

Тогда же къ нему былъ назначенъ воспитатель, на обязанности котораго было обучать малолѣтняго далай-ламу грамотѣ и слѣдить за его характеромъ. Такой учитель или воспитатель носить титуль — Ионь-цзинь-хамба при каждомъ далай-ламѣ. Назначается онъ изъ старѣйшихъ и умнѣйшихъ ламъ, бывшихъ приближенныхъ предшественника малолѣтняго.

Нынѣ, въ 1907. году, далай-ламъ тридцать одинъ годъ, родился онъ въ годъ Мыши (1876). По свидѣтельству близкихъ къ нему

лицъ — вышеупомянутыхъ членовъ посольства, характеръ онъ имѣеть мягкій, открытый и веселый. Въ молитвъ, въ кругу своихъ приближенныхъ и родственниковъ, далай-лама нерѣдко громко и весело смѣется; жизнь ведетъ скромную; не пьетъ, не курить и сторонится женщинъ. Достигнувъ, приблизительно, двадцати лѣтъ, онъ рѣшилъ взять на себя и свѣтскую власть въ собственномъ Тибетѣ, которая до того времени принадлежала регенту Дэмо-хутхтѣ и быстро привелъ это намѣреніе въ исполненіе.

Штатъ ламъ въ Буда-лхѣ при далай-ламѣ значителенъ; всѣхъ ихъ при немъ насчитывается до пятисотъ человекъ. Кромѣ того, при далай-ламѣ состоятъ семь ламъ шабдэнъ-хамба, обязанность которыхъ состоитъ только въ томъ, что они круглый годъ изо-дня въ день освящаютъ воду, которою разъ въ мѣсяцъ поочередно омываютъ лицо, руки и ноги далай ламы. Затѣмъ слѣдуютъ четыре казначея дзэ-нирпанъ, завѣдующіе личнымъ состояніемъ далай-ламы, его продовольствіемъ, хозяйствомъ и раздачею милостыни ламамъ и награды чиновникамъ управленія и его приближеннымъ. При далай-ламѣ безотлучно находится одинъ лама Сойбонъ-хамбо, который вѣдаетъ гардеробомъ далай-ламы и вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ ему каждый день одѣваться и раздѣваться.

Всѣ ламы въ Буда-лхѣ живутъ и одѣваются на собственный счетъ далай-ламы. Этихъ ламъ сразу можно отличить отъ прочихъ, такъ какъ далай-лама не только одѣваетъ ихъ роскошно, сравнительно конечно, въ шелковое платье, но самъ выбираетъ въ свой штатъ людей статныхъ, красивыхъ и приличныхъ.

Самъ далай-лама, слѣдуетъ при этомъ замѣтить, невысокаго роста, стройный и довольно красивый; носить черные усы; одѣвается всегда чисто и нерѣдко очень просто.

День свой онъ проводитъ или въ чтеніи книгъ или выслушиваетъ уроки своего воспитателя, который продолжаетъ давать ихъ ему и до сихъ поръ, или же занимается разговорами съ приближенными. Каждый день, кромѣ того, разъ или два онъ принимаетъ и благословляетъ паломниковъ, являющихся съ приношеніями и безъ приношеній.

Въ теченіе недѣльнаго совмѣстнаго пребыванія на берегахъ Ян-цзы-цзя-на, мы хорошо познакомились съ лхассцами. Въ бесѣдахъ съ ними, намъ удалось разспросить этихъ лицъ о вышенриведенномъ, касающемся столицы Тибета и его верховнаго управителя. Благодаря ихъ же содѣйствію, экспедиціи посчастливилось на дальнѣйшемъ пути еще болѣе расширить свои географическія

изслѣдованія на востоко-юго-востокъ — къ Хор-гамдзэ, а не идти въ меридіанальномъ направленіи къ Цайдаму, какъ это предполагалось до пріѣзда лхасскаго посольства.

Къ нашимъ драгоманамъ Бадмажанову и Дадаю члены тибетской миссіи относились съ довѣріемъ, въ особенности послѣ того, какъ они окончательно убѣдились и досконально узнали о мѣстожителѣствѣ того и другого. При этихъ обоихъ моихъ спутникахъ тибетское посольство, станъ котораго былъ расположенъ на противоположномъ берегу Голубой рѣчки, не стѣснялось производить судъ и расправу между своими подчиненными, какъ духовенствомъ, такъ и мірянами. Нирва чункорскаго монастыря и его помощникъ были наказаны плетью, свыше пятидесяти ударовъ каждый, послѣ которыхъ и тотъ и другой едва были въ состояніи подняться съ земли.

Самое наказаніе производилось слѣдующимъ образомъ: виновныхъ клали на землю, спиною кверху, держа за голову и ноги, и по обнаженному низу ударяли въ двѣ плети. Роль палачей съ увлеченіемъ отправляли юные спутники главныхъ членовъ посольства. Орудіемъ наказанія служили обыкновенныя плети, тонкія, упругія, съ короткими основательными рукоятками, возимыя въ ящикахъ. Для большаго удобства дѣйствія во время экзекуціи, палачи сбрасывали съ себя верхнія одежды и освобождали правыя руки. Нанося удары, палачи увлекались настолько, что на замѣчаніе своихъ начальниковъ: «однако будетъ, пятьдесятъ уже дали!» — спокойно отвѣчали: «нѣтъ, мы ошиблись въ счетъ; еще полагается пятнадцать ударовъ». Надо замѣтить, что тибетскіе палачи не принимали въ соображеніе первоначальныхъ ударовъ, такъ называемыхъ пробныхъ, равно пренебрегали двумя ударами, случайно произведенными обоими палачами въ разъ, считая таковыя за одинъ.

Въ числѣ приговоренныхъ къ плетямъ находился и дэргэскій конторъ, котораго моему Бадмажанову, однако, счастливо удалось отстоять, какъ стараго нашего знакомаго, служившаго интересамъ экспедиціи во время движенія по долинѣ рѣчки Гэ-чю. Бдуйму-Гачи былъ несказанно радъ и благодаренъ вліятельному заступничеству русскихъ и въ послѣдствіи нѣсколько разъ старался доказать мнѣ, что подобнаго великодушія съ нашей стороны онъ никогда не забудетъ...

На прощанье послы далай-ламы снабдили насъ до Хор-гамдзэ своими людьми, въ родѣ нашихъ урядниковъ, съ приказаніемъ по-

слѣднимъ быть послушными нашей волѣ. Даргэспу Бдуйму-Гачи также вмѣнялось въ обязанность сопровождать насъ до селенія Банаджунъ.

Путь къ этому послѣдному почти на семь полтора-верстномъ разстояніи проходить по-прежнему въ горномъ районѣ между хребтами, по долинамъ верхнихъ теченій рѣчекъ Ном-чю, Рок-чю и И-чю, затѣмъ поперекъ восточной окраины сѣверныхъ горъ, короче, въ области округа Лин-гузэ.

Округъ Лин-гузэ считается третьимъ по значенію округомъ въ восточномъ Тибетѣ. Обитатели этого округа на половину осѣдлые или земледѣльцы, наполовину же кочевники-скотоводы. Какъ и всѣ прочіе округа восточнаго Тибета сычуаньскаго Кама, Лин-гузэ управляется потомственнымъ княземъ—тусы. Тусы имѣетъ коралловый шарикъ отъ богдыхана. Все населеніе этого округа раздѣлено на двадцать пять хошуновъ, во главѣ которыхъ стоятъ управители, назначаемые и смѣняемые по усмотрѣнію тусы.

Нынѣшній тридцатитрехлѣтній тусы постоянно живетъ въ монастырѣ Гузэ-гомба. Женатъ онъ на двоюродной сестрѣ даргэскаго князя и, благодаря этому, прекратились постоянныя войны между округами.

Населеніе округа Лин-гузэ извѣстно своею храбростью и дерзостью. Оно является грозой для сосѣднихъ мелкихъ округовъ и даже нголоки не рѣшаются прѣзжать къ нимъ на грабежъ. Лингузцы ведутъ постоянную войну съ сѣверными хошунами хорскаго округа, также извѣстными воинственностью и грабежами.

Полное вооруженіе лучшаго мѣстнаго воина должно состоять: изъ ружья, двухъ сабель—одной пристегнутой сбоку и другой заткнутой спереди за поясъ, пика и пращи. Среди обитателей лингузскаго округа подобныхъ воиновъ не мало. Правила обязываютъ каждую семью поставлять, по требованію начальства, одного воина, непременно коннаго и съ своимъ продовольствіемъ на указанный срокъ.

Грабежомъ занимаются въ лингузскомъ округѣ почти исключительно кочевники, дѣлающіе набѣги на сосѣдніе округа, а также промышляющіе и на большой торговой дорогѣ, идущей черезъ ихъ земли, изъ Хор-гамдзэ въ Чжэрку. Лингузцы грабятъ и въ одиночку, и собираются для того же въ большія партіи до сорока-пятидесяти человѣкъ. Такія партіи поджидаютъ торговые караваны китайцевъ и тибетцевъ—хорва и грабятъ ихъ. Разрѣшенія на грабежъ они не испрашиваютъ, а ограничиваются лишь совѣтами ка-

когонибудь старшины. Добычу они дѣлятъ между собою поровну, выдѣляя для коновода двѣ части. Кромѣ того, они выдѣляютъ часть добычи для того монастыря, въ приходѣ котораго они считаются, а также и часть тому ламѣ, который гадалъ и молился объ успѣхѣ предпріятія. Удачна ли окажется поѣздка на грабежъ или неудачна, грабители обязаны донести объ этомъ своему тусы. Правила эти заведены въ виду того, что пострадавшіе не упускаютъ случая принести жалобу своему начальнику, который сносится по такимъ дѣламъ съ начальствомъ грабителей. Тусы лингузцевъ всегда отстаиваетъ подчиненныхъ, такъ какъ считаетъ грабежъ молодецествомъ, обогащающимъ населеніе округа. Ему, однако, грабители никогда не подносятъ части награбленнаго, да онъ ее и не требуетъ.

Среди осѣдлыхъ грабежи рѣдки. Недавно, впрочемъ, одинъ осѣдлый обитатель [сталъ сильно беспокоить грабежами не только чужихъ, но и своихъ однохошунцевъ, что считается уже страшнымъ преступленіемъ. Это былъ старѣйшій въ родѣ, заключавшемъ въ себѣ около тридцати семействъ, частью осѣдлыхъ, частью кочевыхъ, такихъ же молодцовъ, какъ и онъ самъ. Его много разъ наказывали, даже ослѣпили на одинъ глазъ, но храбрецъ не унимался; наконецъ тусы, выведенный изъ терпѣнія, но нежелавшій потерять очень умнаго и ловкаго грабителя, предложилъ ему званіе чжисуна—совѣтника, съ условіемъ оставить грабежъ въ своемъ округѣ. Но грабитель-богатырь отказался и вскорѣ же вновь ограбилъ одного изъ своихъ однохошунцевъ; тогда тусы рѣшилъ не только лишить его послѣдняго глаза, но и конфисковать все его имущество. Прознавъ объ этомъ, грабитель со всѣми своими родственниками, въ числѣ тридцати палатокъ, бѣжалъ къ дзачюкавасцамъ, среди которыхъ и проживаетъ въ настоящее время.

Лин-чжалбо обмѣнялся привѣтствіями и велъ съ экспедиціей переговоры черезъ своихъ чиновниковъ, доставившихъ намъ уже на слѣдующую, за Гузэ-гомба, стоянку экспедиціи, при урочищѣ Номин-кунгъ, хайныка и шкуру леопарда. Эти же чиновники, на мое желаніе простоять лишній день на хорошемъ пастбищѣ, у святой горы съ заповѣднымъ лѣсомъ, а также и поохотиться въ этомъ лѣсу, дали полное согласіе, замѣтивъ, что ихъ ламы помолятся о нашихъ грѣхахъ за убійство звѣрей и птицъ, обитающихъ въ этой мѣстности.

Въ первый день мнѣ посчастливилось здѣсь добыть двѣ кабарги, а препараторамъ превосходнаго орла-беркута и нѣсколько штукъ мелкихъ птичекъ. На слѣдующій день погода еще болѣе благо-

пріятствовала экскурсіи, хотя кабарги на этотъ разъ мы уже не встрѣтили, но зато зайцевъ было больше, нежели достаточно и мы, убивъ одного для коллекціи, на прочихъ только любовались, когда они пугливо выскакивали и пробирались среди кустарниковъ, стараясь быть незамѣченными.

При охотѣ въ здѣшнихъ небольшихъ, въ смыслѣ занимаемого пространства, лѣсахъ, растущихъ островками среди луговыхъ площадей, мы примѣняли тотъ же способъ, какой на этотъ случай существуетъ во многихъ мѣстахъ средней Россіи, то-есть «загономъ»; съ одной стороны лѣса становятся стрѣлки, съ окраины другой идутъ загонщики, покрикивая и постукивая палочками о стволы деревьевъ. Все, что держится въ лѣсу—звѣри и крупныя птицы—направляется тотчасъ въ сторону охотниковъ.

Первая наша охота загономъ была устроена вечеромъ, вторая раннимъ утромъ, когда чаще случается лучшая погода. Мы во-время успѣли обойти лѣсъ и занять свои знакомыя мѣста. Воздухъ былъ тихъ и прозраченъ. Небо изъ темно-синяго постепенно переходило въ болѣе нарядный и живой ярко-синій оттѣнокъ; позднѣе, отъ южныхъ высокихъ горъ стали отдѣляться тонкія облачка и медленно неслись въ нашу сторону; тамъ, въ вышинѣ, среди облачковъ, въ лазоревыхъ пространствахъ, мелькали точками снѣжные грифы и бородастые ягнятники; здѣсь, внизу, вдоль святой горы, съ шумомъ, пролетала пара благородныхъ соколовъ и беркутъ, осиротѣвшій накануне; первыя птицы вѣроятно не терпѣли сосѣдства орла, ожесточенно нападаая на него съ разныхъ сторонъ, но гордый сильный хищникъ спокойно слѣдовалъ впередъ и лишь порою опрокидывался спиною внизъ или продѣлывалъ другія эволюціи. По удаленіи орла, сокола на свободѣ занялись любовною игрою, спиралью поднимаясь въ высь, въ которой и скрылись совершенно. Рядомъ, въ лѣсу, перелетали мелкія птички, однѣ молчаливо, другія, наоборотъ, съ звонкой, веселой трелью. Въ восточномъ направленіи открывалась долина, по которой змѣилась рѣчка, блестящая ледяною поверхностью. На сѣверѣ, по луговымъ откосамъ горъ, пестрѣли стойбища тибетцевъ-скотоводовъ. Въ бинокль отлично было видно, какъ женщины возились съ барашками, отнимая ихъ отъ матерей, спѣшившихъ къ удалявшимся стадамъ. Окрестъ святой горы паслись наши караванныя животныя. На югѣ ослѣпительной бѣлизной сіяли и искрились снѣга Дѣргэскаго хребта. Стоя на своемъ номерѣ, въ ожиданіи загонщиковъ, пригрѣваемый теплымъ весеннимъ солнышкомъ, я невольно восхи-

шался величіемъ окружавшей меня природы. Между тѣмъ голоса загонщиковъ сдѣлались болѣе громкими; надо стоять на-сторожѣ, зорко смотрѣть и напряженно вслушиваться. Въ чащѣ лѣса что-то подозрительно треснуло — все вниманіе охотника направлено къ мѣсту звука; затѣмъ опять тишина и томительное ожиданіе; подлѣ испуганно промелькнула синица, за нею краснохвостка, въ высокихъ вѣтвяхъ перемѣстился дятель, а пониже, въ кустарной чащѣ, затрепалъ дроздъ, выдавшій присутствіе зайца, быстро вынесшагося къ сосѣдней опушкѣ лѣса; вдругъ грянулъ выстрѣлъ, красивымъ эхомъ откликнувшійся въ хвойномъ лѣсу, вѣтеръ пахнулъ дымомъ и все стихло. Охота кончилась.

Большая тибетско-китайская дорога все время была оживлена; мы ежедневно наблюдали многочисленные караваны, двигавшіеся въ ту или другую сторону. Помимо тяжелыхъ каравановъ намъ попадались навстрѣчу или обгоняли насъ и легкія кавалькады нарядныхъ богатыхъ паломниковъ или купцовъ. Красивые, гордые всадники, звеня убранствомъ бойкихъ иноходцевъ, особенно стройно проѣзжали вблизи насъ, съ намѣреніемъ, вѣроятно, «не ударить въ грязь лицомъ» передъ пилинами.

На дѣвушкахъ и женщинахъ начали встрѣчаться мерлушковые шапки на манеръ мужскихъ, носимыхъ нерѣдко и въ другихъ частяхъ Тибета; говорятъ, что въ такія же шапки иногда наряжаютъ свои головы и нголокскія женщины.

По мѣрѣ нашего приближенія къ Хор-гамдзэ, нашъ переводчикъ Дадай съ бѣльшимъ и бѣльшимъ усиліемъ примѣнялся къ мѣстному нарѣчію, значительно отличавшемуся отъ такъ называемаго лхасскаго или чамдоскаго, тогда какъ сопровождавшіе насъ люди лхасскихъ пословъ легко справлялись съ нимъ и въ теченіе двухъ-трехнедѣльнаго времени помогли Дадаю освоиться и болѣе или менѣе свободно разбираться въ немъ.

При входѣ въ сѣверныя горы, насъ встрѣтилъ мѣстный начальникъ съ многочисленными погонщиками и проводниками для оказанія экспедиціи услугъ. Путь въ горахъ былъ довольно трудный, къ тому же началъ падать снѣгъ и мы принуждены были остановиться вблизи вершины перевала. Выглянувшее было 28-го марта солнце освѣтило на нѣсколько минутъ высокую бѣлую стѣну Дэргэскаго хребта, затѣмъ снѣговья тучи закрыли все, и солнце, и горы.

Вмѣсто обычнаго спуска на сѣверную или противоположную сторону, мы встрѣтили плато, покрытое глубокимъ снѣгомъ, придав-

шимъ пейзажу зимній оттѣнокъ. Нѣсколько разрушило, впрочемъ, иллюзію зимы превосходное пѣніе тибетскихъ хохлатыхъ жаворонковъ, немногіе изъ которыхъ, побуждаемые сильнымъ чувствомъ любви, поднимались даже въ высъ съ своею звонкою пѣсней, а затѣмъ пологой или крутой дугой спускались внизъ къ подругамъ, сидѣвшимъ нахохлившись на вершинкахъ снѣжныхъ кочекъ. Вдали, на снѣжномъ плато, мелькали, будто призраки, стройныя красавицы антилопы. На всемъ восьми-верстномъ разстояніи по плато насъ обдувалъ холодный пронизывающій вѣтеръ и только при спускѣ въ ущелье-долину мы стали попадать въ область большаго затишья и тепла, снѣгъ исчезъ, открылись поляны, а затѣмъ и сплошные альпійскіе луга. Еще пониже—и древесная растительность, за которой показались и пашни банаджунцевъ. Зимній пейзажъ и стужа пронеслись словно во снѣ.

П. Козловъ.

